

до описанія теперешняго состоянія підсвинка, дверь раствори-лась и въ сѣни ввалились разомъ три новыя личности. Двое изъ нихъ были судьи, а третій—сотскій съ блахой на груди и огромной сучковатой палкой въ рукѣ, изъ чего нужно было заключать, что онъ находился при исполненіи своихъ обязанностей... «Вотъ тебѣ и полштофъ!» подумалъ Андрей и, взглянувъ на посудину, убѣдился, что тамъ уже было пусто. А писарь съ величайшей пріятностью расширилъ ноздри и втянулъ въ себя посредствомъ носа разомъ половину всего воздуха, наполнявшаго сѣни.

— Скомандовать еще штофъ?!—полувопросительно обратился онъ къ Андрею и, не дожидаясь отвѣта, кликнулъ Никанора. Но не успѣли новоприбывшіе усѣсться, какъ въ сѣняхъ व्यономъ завертѣлась новая фигура, которая вошла какъ-то незамѣтно и неслышно. Фигура эта вызвала общій восторгъ, а носъ писаря до того обрадовался, что издалъ какой-то странный шипящій звукъ. Только Андрей совсѣмъ не проявилъ радостнаго чувства, а, напротивъ, даже видимо огорчился. «Вотъ тебѣ и полштофъ»! опять подумалъ онъ и еще выразительнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Ну, теперь уже прямо валяй четвертину! — радостно произнесъ Елпидифоровъ: — потому Левка самъ два штофа слопаетъ!.. Въ этомъ Андрей не сомнѣвался, поэтому и скорбѣла душа его. Левъ Андріановичъ Игрицынъ, занимавшій въ продолженіе четверти столѣтія почетную должность дьяка при гусаковскомъ храмѣ, во всемъ убѣдѣ славился своимъ искусствомъ пить. Въ былое время находились смѣльчаки, рѣшавшіеся пить съ нимъ объ закладъ, «кто кого перепьетъ». Но вотъ уже около десяти лѣтъ, какъ никто на это не рѣшается. Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ тому назадъ по епархіи путешествовалъ архіерей и сдѣлалъ стоянку въ Гусаковкѣ. Вотъ тутъ-то чуть не произошло трагическое событіе. Отецъ протодіаконъ былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія и полагалъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не перепьетъ его. Левъ Игрицынъ дерзко предложилъ ему помѣряться. И что же? Въ одинъ вечеръ благородные конкуренты выпили чуть не цѣлое ведро, и Левъ Игрицынъ одержалъ побѣду. О. протодіаконъ тутъ же слегъ и возникло даже сомнѣніе въ томъ, что онъ когда-нибудь встанетъ, такъ что пришлось докладывать архіерею. А Левъ только пошатывался и просилъ еще водки. Архіерей очень гнѣвался и уже черезъ мѣсяцъ изъ своей резиденціи черезъ консисторію прислалъ указъ о. благочинному, въ которомъ прямо опредѣлялось «строго блюсти, дабы ни одинъ изъ ввѣренныхъ вашему смотрѣнію служителей церкви не смѣлъ